
В.Г. Зубарев, С.В. Ярцев

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА РУБЕЖЕ ЭР

Статья посвящена сложной теме локализации народов и племен на территории Северного Причерноморья на рубеже эр. Авторами использовался метод интерпретации сообщений античных авторов, сведения которых сопоставлялись с широким археологическим материалом. В результате исследования отдельные народы и многочисленные племена указанного времени были успешно локализованы на этнической карте региона. Большинство племен и народов, судя по проведенному исследованию, оставили яркий след в этнической истории Северного Причерноморья. Однако еще не все этносы, жившие здесь в это время, нашли свое место в географическом пространстве региона. Локализация некоторых из них продолжает оставаться нерешенной научной проблемой. Данным обстоятельством обусловлена актуальность проведенного исследования.

Помимо тщательного анализа античной письменной традиции, для доказательства размещения племен авторы привлекают и археологический материал. Благодаря такому комплексному исследованию удалось установить, что после зафиксированных немногочисленных сарматских погребений II–I вв. до н.э. в районах между Днестром и Доном и в Северо-Западном Причерноморье число сарматских памятников второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. к западу от Днестра резко возрастает. На левобережье Кубани во второй половине I в. до н.э. появляются курганные могильники зубовско-воздвиженской группы сарматских памятников, по ряду черт отличающихся от среднесарматских сиракских комплексов Прикубанья. В данных погребениях отмечаются ярко выраженные центральноазиатские элементы культуры. В этой связи авторы обращают особое внимание на запустение к рубежу эр южноуральских степей по причине аридизации и смещение центра формирования среднесарматской культуры в сторону Нижнего Дона. Таким образом, проведенное исследование подтверждает огромную роль миграций из глубин Азии как в становлении среднесарматской культуры, так и в появлении многих инноваций в культуре сарматов I в. н.э.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крым, античность, варвары, племена, этнос

Считается, что после гибели Митридата VI Евпатора государства и народы Северного Причерноморья вступили в римский период своей истории. Его начало обычно относят к середине – второй половине I в. до н.э. (Блаватский 1959. С. 30–37; Кадеев 1981. С. 13–15; Зубарь 1994. С. 9–13; 1998. С. 7; Крыжицкий и др. 1999. С. 230; Зубарь, Сон 2007. С. 144). Именно с этого времени установившиеся первые контакты римского государства с Херсонесом и Боспором стали постепенно перерастать в разносторонние отношения городских центров и местных варваров с Римом, что неизбежно привело к необходимости формирования концепции в римской стратегии в этой части античного мира.

Для того чтобы детально ознакомиться с данным процессом, необходимо рассмотреть этногеографическую картину Северного Причерноморья, сложившуюся ко второй половине I в. до н.э. В данное время здесь наблюдалась некоторая стабилизация этнополитической обстановки, которую наиболее полно отразил в своей «Географии» греческий историк и географ Страбон (64/63 г. до н.э. – 23/24 г. н.э.) (Грацианская 1976. С. 6–20; 1988. С. 14–32; Скрипкин 1996. С. 162).

Центральное государство Северного Причерноморья – Боспорское царство со столицей в Пантикапее (современный город Керчь) – располагалось на землях Керченского и Таманского полуостровов. Буквально рядом, к западу от Боспорских границ (к востоку от Крымских гор), Плиний разместил неких скифов-сатарков (Plin. NH IV. 85), упомянутых также Помпонием Мелой (Mela II. 1. 3) и Стефаном Византийским (s.v. Σατάρχοι) и известных в качестве пиратствующих сатархеев еще со II в. до н.э. (IOSPE I². 672). При этом известно, что в числе других племен они перешли Танаис (Plin. NH VI. 22. 23). Иранская этимология названия сатархов – «сильные, господствующие», «царские» (Десятчиков 1973. С. 140), и упоминание Солином сатархов как части среднеазиатского сакского племенного объединения позволяет отнести их к иранским племенам (Sol. 49. 5–7). Правда, данный «социальный» этноним вполне мог применяться не к одному, а ко многим варварским объединениям (Ольховский 1981. С. 57). Однако до сих пор не удается связать сатархов с какой-либо известной археологической культурой Северного Причерноморья (Щеглов 1998. С. 143–146; Симоненко 2001. С. 98), притом Страбон их совсем не упоминает.

Другим народом, зафиксированным на равнинной части полуострова, были земледельцы – георги. Не исключено, что в данном названии скрывается и самоназвание. Скифское *gauvarga* – «разводящие или считающие скот» – могло быть адаптировано греками, превратившись в термин, отражающий хозяйственную деятельность этих людей (отсюда геродотовая синонимичность: «скифы-пахари» и «скифы-земледельцы») (Абаев

1981. С. 74–76; Столба 1993. С. 58–59; Корчелла 1994. С. 82–89). Вряд ли поэтому можно ставить знак равенства между «георгами» Страбона и «скифами-георгами» Геродота (Herod. VI. 18). Их Страбон упоминает, но при этом обращает внимание, что эти люди, «...хотя и слынут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению» (Strabo VII. 4. 6). Учитывая земледельческую основу хозяйства этих людей, локализовать георгов можно будет в Северо-Западном Крыму, где есть памятники оседлого земледельческого населения I в. до н.э. – I в. н.э. (Пуздровский 1999. С. 211–212), или же в Крымском Приазовье на той земледельческой территории, которая впоследствии попадет под защиту Асандра (Зубарев 2005. С. 236–237). К последней версии нас склоняет анализ текста Страбона, в котором автор перед приведенной выше характеристикой георгов рассказывает о кочевниках, предоставлявших за умеренную дань землю для земледелия и в случае неуплаты начинающих с оседлым населением войну. При этом из тех, кто не платил кочевникам, так как мог «...легко отразить нападающих или воспрепятствовать вторжению», назван боспорский царь Асандр, отгородивший защитной стеной некий земледельческий район своей территории (Strabo VII. 4. 6). Это может свидетельствовать о том, что речь идет о территории Восточного Крыма с негреческим оседлым населением, которое, по-видимому, в данное время еще не входило в состав Боспорского царства (Масленников 1995. С. 67). Вот почему сомнительно считать георгов исключительно осевшими на землю скифами (Граков 1971. С. 72; Артамонов 1948. С. 68; Молев 1986. С. 56), ведь, судя по захоронениям в каменных ящиках из Крымского Приазовья (данные погребальные сооружения появились, скорее всего, в результате переселения сюда части кизил-кобинского (таврского) населения из Крымских предгорий: Масленников 1995. С. 60–61), население здесь было в значительной степени этнически неоднородным. Тем более что серия войн, нашествий и природных катастроф в конце II и на протяжении большей части I в. до н.э. до такой степени опустошили Крымское Приазовье, что Страбон вынужден был констатировать безлюдье всего юго-западного побережья Меотиды (Strabo VII. 4. 5).

Большинство поселений здесь было заброшено, на могильниках пресеклась традиция захоронений. Уцелевшие жители собрались в немногих хорошо укрепленных городищах, что значительно усилило смешанность населения. А.А. Масленников, хотя и отмечает преемственность прежних традиций по лепной керамике и погребальному обряду (Масленников 1995. С. 67–68), более склоняется к мысли, что речь здесь должна идти о возникновении совершенно нового этнокультурного населения

(Там же. С. 84–85). Скорее всего, именно эти люди и получили обобщенное наименование георгов-земледельцев.

Археологические источники свидетельствуют, что во II–I вв. до н.э. часть населения из Крымского Приазовья переселилась ближе к предгорью, в окрестности Феодосии. Здесь были выявлены погребальные сооружения (ямы, облицованные каменными кладками с дромосами, окруженные кромлехами и перекрытыми небольшими курганными насыпями), аналогичные погребальным сооружениям в Крымском Приазовье (Катюшин 1996. С. 21–31; Колтухов 2001. С. 64–65; Храпунов 2004. С. 64–65). Этот факт заставляет еще раз обратиться к письменным источникам, упоминающим сатархов. Так, по словам Плиния, непосредственно Крымские горы, т.е. сам «...хребет занимают скифотавры. С запада их ограничивает Новый Херсонес, с востока – скифы-сатархи» (Plin. NH IV. 85). Такая локализация довольно точно соответствует указанным выше памятникам в окрестностях Феодосии. Однако автор небольшого географического трактата середины I в. н.э. Помпоний Мела, описывая Керченский полуостров с севера от Перекопского перешейка (Десятчиков 1973. С. 133), наоборот, указывает на Крымское Приазовье как на территорию проживания этого народа: «...Затем косая полоса земли, спускающаяся к Боспору, ограничивается Понтом и Меотидою. Сторону ее, обращенную к Болоту, занимают сартаги...» (Mela II. 1. 3), причем живущие в пещерах и землянках в стране «постоянного холода» (Mela II. 10). Далее, следуя по периплу с востока на запад и сообщив о Херсонесе, Мела пишет о крымском побережье в районе Каркинитского залива и Перекопа: «...Затем море подходит к берегу и до расстояния 5000 шагов от Меотиды придает почти вид острова местности, занятой сатархами и тавриками» (Mela II. 4). В последнем случае очевидно, что речь идет о Крыме в целом, и рассматривать описанный Мелой полуостров в качестве Тарханкута нет никаких оснований (Щеглов 1966. С. 146; 1998. С. 143–146; Десятчиков 1973. С. 133).

По данным письменных источников, совпадение мест локализации сартагов-сатархов с районами, где археологически было зафиксировано конструктивное тождество погребальных сооружений, безусловно, неслучайно. Вероятно, те из приазовских варваров, кто продолжал осознавать себя сатархами, отошли в район Феодосии, в то время как оставшиеся, смешавшись с другими варварами, постепенно утратили это самоназвание, превратившись в георгов-земледельцев. Видимо, по этой причине сатархи и не упоминаются у Страбона. Таким образом, на данном этапе относительно Крымского Приазовья можно согласиться с мнением В.С. Ольховского о тождестве георгов с сатархами (Ольховский 1981. С. 60). Возможно, именно эти приазовские сатархи и воевали

с полководцем Митридата VI Евпатора Неоптолемом в Керченском проливе летом на кораблях, а зимой на лошадях (Strabo II. 1.16; VII. 3. 18). Во всяком случае, учитывая пиратскую характеристику этих варваров, А.А. Масленников (1981. С. 71–72) отождествляет с ними сатархов.

Идентификация сатархов затрагивает проблему еще одного сложного этнонима – тафриев. Локализация данных варваров явно связана с местностью Тафры. Здесь заслуживает внимания идея В.С. Ольховского о том, что сам топоним «тафры» (рвы) может обозначать местность, заключенную между рвами, по его мнению, между Перекопом и Акмонаем (Ольховский 1981. С. 63). Таким образом, трудно не согласиться с нашей гипотезой, согласно которой локализация страны Тафры между Перекопом и Узунларским валом заполняет обширную лакуну в античной географии Крымского полуострова, возвращая на его карту район степного Крыма (Зубарев 2005а. С. 236–238; 2005б. С. 40–41).

Тафры как местность также фигурируют у Помпония Мелы: «...Затем море... придает почти вид острова местности (Крымскому полуострову), занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив – Каркинитский» (Mela II. 4). Как раз в этом случае речь может идти о более широком понимании топонима Тафры. Местность между Каркинитским заливом и Меотидой включает в себя большую часть степного Крыма, что может свидетельствовать о развитии в античной письменной традиции термина «тафрос».

Среди письменных источников по интересующей нас теме сообщение Стефана Византийского наиболее неоднозначно: «Тафры и в единственном числе Тафра – страна у Меотийского озера, которую окружили рвами рабы, вступившие в связь со своими господами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами, или живущие по сю сторону Истра, как рассказывает Каллистрат в третьей книге... эту страну-де заселили саторхеи» (Steph. Byz. s. v.). Локализация Геродотом рва «слепых» от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера (Herod. IV. 3) обычно приводит исследователей в район Ак-Монайского перешейка (Ольховский 1981. С. 62–63; Масленников 2003. С. 8–36). Однако следует заметить, что под горами могли подразумеваться не только отроги Крымских гор в районе Феодосии, но и естественное их продолжение в виде Парпачского хребта и ряда горных холмов, самым высоким из которых является гора Опук (183,7 м) с городищем Киммерик (Голенко 2006. С. 10–11), которыми и заканчивалась стена Асандра (Зубарев 2005. С. 451). Поэтому гипотеза Н.И. Сокольского о том, что ров «слепых» – это Узунларская линия, выглядит вполне актуальной и сейчас (Сокольский 1957. С. 91). Таким образом, речь в рассказе Стефана Византийского однозначно идет о Керченском полу-

острове, что может свидетельствовать о локализации здесь и стены Асандра, и области Тафра, и даже территории, на которой проживали сатархи.

Правда, у Геродота, кроме слова «τάφρος» (ров), ничего не говорится ни о городе, ни о стране с таким названием. Пересказывая Геродота, Стефан Византийский (из текста нельзя сделать вывод, что Домитий Каллистрат, на которого ссылается Стефан, упоминает термин «τάφρος»), исходя, видимо, уже из поздней традиции своего времени (VI в.), называет местность, где выкопали ров потомки слепых рабов, страной Тафры. Здесь полностью отсутствует связь с событиями древней легенды. В этой ситуации никаких других выводов, кроме возможного совпадения территории, сделать нельзя.

Тем не менее Л.А. Ельницкий сделал попытку отождествить потомков слепых рабов с тафрями и сатархами (Ельницкий 1961. С. 91). В.С. Ольховский, заметив, что текст источника не дает основания считать, что сатархи изначально заселяли Тафры, подверг сомнению тождество сатархов и тафриев (Ольховский 1981. С. 60). При этом тождество потомков слепых с тафрями он поддержал, хотя у Стефана речь шла только о том, что местность с древними земляными оборонительными укреплениями, про историю возникновения которых рассказывал в свое время Геродот и которую потом заселили сатархи, впоследствии получила название Тафры. А.Н. Щеглов также считал тафриев потомками крымского населения эпохи раннего железа, размещая их ближе к Перекопу, в Северо-Западном Крыму (Щеглов 1966. С. 148). Эти кизил-кобинцы предгорий и степей, по мнению В.С. Ольховского, в VII–VI вв. до н.э. были покорены скифами и позднее, во II в. до н.э., ассимилированы пришлыми сатархами (Ольховский 1981. С. 60, 63). Потомками местного населения Перекопа и Северного Присивашья, ассимилированного скифами, смешавшимися с сатархами, считает тафриев и Е.А. Молев (1986. С. 56). По мнению Ю.М. Десятчикова, когда сатархи во II в. до н.э. заняли область Тафры, они и получили прозвание тафрии, т.е. живущие в тафрах (в укреплениях). Ничего общего с потомками слепых, кроме одного и того же места жительства, они не имели (Десятчиков 1973. С. 135). Версия о названии сатархов тафрями по месту их пребывания рядом с древними рвами получила поддержку и в современной науке (Столба 1993. С. 59; Храпунов 2004. С. 89).

Таким образом, то обстоятельство, что тафрии, скорее всего, являлись жителями укреплений, а также предположительная дата их появления по сообщению Страбона в первую очередь заставляют думать о боспорских военных поселенцах. Следовательно, новые укрепления, возводимые Асандром, должны были, по замыслу царя, охранять именно варвары, находящиеся на царской службе. При этом этнический состав таких

гарнизонов довольно любопытен. Так, жители поселения Полянка, судя по характерной застройке и лепной керамике, оказались родственны позднескифскому населению Центрального Крыма (Масленников 1981. С. 92–93). С этим же населением отождествляется гарнизон небольшого помещения второй половины I в. до н.э., примыкавшего к Узунларскому валу (Масленников 1994. С. 180–182). Напомним, что указанный вал являлся лишь одним из элементов сложной, глубоко эшелонированной системы обороны, защищающей сельскохозяйственные районы Европейского Боспора. При этом собственно боспорские интересы при Асандре распространялись гораздо дальше, чем возведенная им линия укреплений. По словам Страбона, практически весь Крым в это время (после смерти Митридата) оказался под опекой Боспора: «...С тех пор и донныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора. <...> Большой Херсонес и по виду, и по величине похож на Пелопоннес; им владеют боспорские правители, после того как он весь сильно пострадал от непрерывных войн... теперь вся эта страна находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне» (Strabo VII. 4. 3, 5, 7).

Ранее мы утверждали, что тафрии – это эллинизированное варварское население, находящееся на службе у боспорского царя, которое на правах военных поселенцев расселялось Асандром по всем стратегически важным местам создаваемой им сложной фортификационной системы. Из-за того, что выходцы из тавроскифской среды жили в укрепленных поселениях и несли службу по охране оборонительных линий (тафров), они, видимо, и получили наименование тафриев, что и засвидетельствовал Страбон. Позднее это название перешло на город и прилегающую к нему местность. В широком смысле этот термин распространился, по всей видимости, на весь степной Крым. Вот почему у Страбона тафрии – это жители западного побережья Крыма, а у Птолемея город Тафр расположен внутри полуострова. Однако на современный момент данная проблема представляется более сложной. Выходит так, что тафрии, если соотносить с ними материал, происходящий из мест, связанных с термином «тафрос», и мест, где несли службу варварские гарнизоны, являлись не просто полиэтничными выходцами из варварской среды, а исключительно воинами тавроскифами, которых, разумеется, не могло быть много. Это объясняет, почему при относительно большом количестве военно-хозяйственных поселений на Боспоре тафрии упомянуты только один раз. При этом варвары других этносов, находящиеся на боспорской службе, по-видимому, также сохраняли не только самосознание, но и свое наименование. Например, на роль таких варваров, учитывая все вышесказанное, вполне могут претендовать и сатархи.

Далее к западу от боспорских границ в горном и предгорном Крыму жили хорошо известные скифы и тавры (КБН 39. 40), к этому времени уже

слившиеся в единый этнический субстрат, получивший название «тавро-скифы» или «скифотавры» (Соломоник 1962. С. 153–157). Со скифами у боспорских царей еще со II в. до н.э. были установлены династические связи (Виноградов 1980. С. 97; Молев 1994. С. 38; Зайцев 2000. С. 52–54). Памятники же тавров в горах уже отсутствовали, а их потомки входили в число жителей позднескифских поселений (Пуздровский 1999. С. 213–214; Храпунов 2004. С. 65–66) и даже боспорских городов и поселений (Кастанаян 1981. С. 17). Не случайно Страбон называет их «скифским племенем» (Strabo VII. 4. 4–5). При этом, несмотря на функционирование бывшей столицы Неаполя, политического единства у поздних скифов не было. По словам Плиния, «...от Каркинита начинается Таврика, некогда окруженная морем и сама бывшая морем в тех местах, где теперь лежат равнины. Затем она вздымается большими горными хребтами, в них – 30 народов, из которых 23 внутри этой области, и 6 городов: Оргокины, Харакены, Ассираны, Стактары, Акисалиты, Калиорды. Самый хребет занимают скифотавры» (Plin. NH IV. 85). Скорее всего, речь здесь идет о племенных или этнических группах, в свое время подчиненных Скилуrom и объединенных в рамках единой позднескифской государственной структуры (Зубарь 2002. С. 514, примеч. 16). При этом позднескифское оседлое население также сохраняется в интересующее нас время и в Северо-Западном Крыму (Храпунов 2004. С. 111–112), где на побережье Каркинитского залива Страбон размещает тафриев (Strabo VII. 3. 19).

Еще дальше к западу от районов Предгорного Крыма на территории Гераклеийского полуострова располагался античный Херсонес (на берегу современной Карантинной бухты). При этом данный полуостров был не только размежеван на земельные наделы херсонитов, но и в достаточной степени укреплен. Оставаясь демократическим полисом, Херсонес к рубежу эр уже давно потерял Северо-Западный Крым и сильно рассчитывал на помощь постепенно набирающего силу Рима.

К востоку от боспорских границ, проходящих по Таманскому полуострову с крупнейшим городом Фанагорией, к началу римского периода ситуация складывалась следующая. На Азиатском Боспоре в это время жили синды (Strabo XI. 2. 10. 11), обычно локализуемые в районах устья Кубани и примыкающего к нему побережья Понта (Илющенко 2007. С. 223). С ними обычно связывают Таманскую археологическую группу меотских памятников (Каменецкий 1989. С. 226–227). Псевдо-Скилак, Полиэн (Poleaen. VIII. 55) и Дионисий (Dionys. Per. 681) различают синдов и меотов. Страбон (Strabo XI. 2. 10. 11), напротив, относит синдов к меотским племенам. По данным Страбона (Strabo XI. 2. 1. 10), Синдика находилась у моря к югу и юго-востоку от русла реки Антикит (Гипа-

нис), где располагались города Гермонасса, Апатур, Горгиппия и Аборака. Очевидно, что, говоря о Синдике, даже если Синдская гавань не равнозначна Горгиппии и располагалась на месте поселения Старотитаровское 17 (Зубарев 2005. С. 356–366), Страбон имел в виду составную часть Боспорского государства. Данные сведения явно восходят к более раннему источнику (Тохтасьев 2004. С. 163). Синды вместе с соседними торетами, а также с дандариями и песссами еще в IV в. до н.э. были включены в состав Боспорского царства (Блаватский 1964. С. 58).

Вполне вероятно, что границы этой части царства охраняли военные поселенцы – выходцы из различных племен. С ними вполне можно отождествить упоминаемых Страбоном (Strabo XI. 2. 11) и известных по другим источникам (Ptolem. V. 8. 17–25; Herodian. Techn. VII. 180, 2; Tab. Peut. сегмент VIII. 3: Aspurgiani; Steph. Byz. s.v. Ἀσπυρῳγῖαινοί) аспургиан. Этимология данного слова явно восходит к иранским корням – «мощноконные» (Абаев 1949. С. 157; Десятчиков 1973. С. 143–144; Сапрыкин 1985. С. 67; Пуздровский 1999. С. 210) или же «сильные» (Десятчиков 1973. С. 143; Пуздровский 1999. С. 220). По сведениям Страбона, они жили между Фанагорией и Горгиппией, частично затрагивая территорию Синдики (Блаватский 1964. С. 163). Связанные с ираноязычным именем (Сапрыкин 1985. С. 68) и расселенные Аспургом, возможно, вдоль дороги на Скопел в качестве дружины боспорского царя (Ростовцев 1916. С. 16), аспургиане занимались земледелием, ремеслом и военным делом, обеспечивая охрану юго-восточной границы Боспорского царства. Не исключено, что они обладали статусом военных поселенцев (Сапрыкин 1985. С. 65–78; Зубарев 2005. С. 372). Правда, вышеупомянутые античные авторы настойчиво называют аспургиан племенем. Однако это, по нашему мнению, не должно вызывать сомнений в их служилом статусе (Молев 2010. С. 273), т.к. в рамках организации военно-хозяйственных поселений, известных еще при Митридате VI Евпаторе, расселенные на царских землях варвары обладали автономией. Более того, судя по надписям (КБН 36. 1246. 1248), аспургиане занимали отдельный территориальный округ на Азиатском Боспоре во главе со своим наместником. Указанные надписи, конечно, поздние, но вряд ли ситуация во времена Аспурга сильно отличалась от последующих веков, учитывая высокую степень консолидации этих варваров, легко убивших царя Полемона (Гайдукевич 1949. С. 222, 316–317; Блаватский 1964. С. 132). Хорошо организованные и жившие, по-видимому, в крепостях или усадьбах, аспургиане вполне заслуживали определения как народа или племени, даже несмотря на вероятное смешение и неизбежную эллинизацию. В пользу такого вывода свидетельствует отсутствие аспургиан в царской титулатуре Аспурга среди практически полного списка подвластных и

союзных племен синдов, меотов, тарпитов, торетов, псессов, танаитов, скифов и тавров (КБН 39. 40) (Сапрыкин 2002. С. 212–219). К тому же наличие сарматской тамги у Аспурга не позволяет считать аспургиан меотским племенем (Латышев 1909. С. 104; Молев 2010. С. 273).

Тем не менее, для решения данной проблемы необходимо также учитывать и то обстоятельство, что аспургиане, о которых идет речь, это только часть крупного объединения варваров, перешедшая на службу боспорским царям. Ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, что аспургиане были неразрывно связаны с племенным миром меото-сарматского населения Кубани (Медведев 2015. С. 273). Напомним, что в это время здесь особо выделяются богатые сарматские курганные могильники зубовско-воздвиженской группы, возникшие примерно во второй половине I в. до н.э. и по ряду черт отличающиеся от среднесарматских сиракских комплексов Прикубанья. Обычно их отождествляют с сираками (Смирнов 1952. С. 14–15), меотами (Абрамова 2000. С. 123–128) или даже с аланами, учитывая наличие здесь ярко выраженных центральноазиатских элементов культуры (Раев, Яценко 1993. С. 111–125). При этом если с аспургианами связывать обнаруженные на некрополях античных поселений и Цемдолинском могильнике погребения тяжеловооруженных воинов с мечами и копьями, сопровождаемых конями, а также отдельные захоронения коней, то придется согласиться с утверждением М.И. Ростовцева, что аспургиан вывел с берегов Азовского моря или глубин Сарматии именно Аспург (Ростовцев 1916. С. 16). Ведь, судя по археологическим данным Восточного некрополя Фанагории и других античных некрополей, указанные захоронения, традиция которых уходит своими корнями в древности меотского или меото-сарматского круга, появляются на Боспоре только с рубежа эр (Медведев 2015а. С. 66–68). Хотя, как уже говорилось выше, аспургиане, по-видимому, являлись главной опорой еще Асандра в его борьбе за власть.

Далее к северо-востоку на территории, прилегающей к побережью Меотиды, Страбон (Strabo I. 14; XI. 2. 1. 4. 11) размещает меотов, что находит свое отражение и у других авторов (Mela I. 14. 114; Plin. NH IV. 26; VI. 7), а южнее – ахеев, зихов, гениохов, керкетов и макропогонов (Strabo XI. 2. 1). Правда, размещая меотов на «побережье», Страбон (Strabo XI. 2, 4) тем не менее утверждает, что берег здесь «пустынен» (Strabo VII. 4. 5). Подробно эту проблему недавно исследовал И.С. Каменецкий (2011. С. 158–162). Плиний, правда, в другом месте, на побережье Меотиды, «начиная от Киммерия» и до Танаиса, размещает меотиков, галлов, сернов, серреев, скизов и гниссов (Plin. NH VI. 19). Кроме меотиков, указанные племена не встречаются более ни у одного автора (Каменецкий 2011. С. 169–170). В этой связи наиболее распространенным является мнение,

что название «меоты» было собирательным относительно племен, населявших восточное побережье Меотиды, а также области вокруг устья р. Гипанис (Доватур, Каллистов, Шишова 1982. С. 376–377; Илюшечкина 2007. С. 221). Так, Евстафий Солунский в комментариях к поэме Дионисия Перизгета «Описание ойкумены» утверждал, что возле Меотиды живут меоты, «получившие, стало быть, имя от Меотиды или, пожалуй, от которых Меотийское озеро получило название» (Eust. Ad Dion. Per. 652). По словам же самого Страбона, «к числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и многие другие. К ним же относятся и аспургианы...» (Strabo XI. 2. 11). Помимо этнической идентификации синдов у античных авторов, о чем говорилось выше, Полиэн (Polyaen. VIII. 55) и Деметрий из Скепсиса к меотам отнесли еще и яксаматов, которых Эфор (Тохтасьев 2004. С. 167) считал савроматским народом. Однако в боспорских надписях меотам противопоставляются синды, тореаты, доски, тарпеты (КБН 10. 11. 25. 971. 972. 1015. 1039. 1040), которые у Страбона названы меотами. Таким образом, очевидно, что древние авторы подразумевали под меотами различные племена, живущие как у Меотиды, преимущественно по ее юго-восточному побережью (Тохтасьев 2004. С. 167), так и вглубь материка (Каменецкий 2011. С. 155–198). Таким образом, доказать обратное, что меоты являлись единым этносом, например, предками адыгейцев (Лавров 1978. С. 38), чрезвычайно сложно. При этом некоторые меотские термины объясняются с иранского (Абаев 1949. С. 37, 162, 163; Лавров 1978. С. 39) или даже с индоиранского (Трубачев 1997. С. 192–196), но этого явно не хватает для признания меотов особым этносом.

Попытки определить места расселения меотов предпринимались В.В. Латышевым (1906. Карта), В.П. Шиловым (1950. С. 102–123), И.С. Каменецким (1989. С. 226–227). Главной проблемой здесь выступают как недостаточная изученность археологических памятников этого района Северного Причерноморья, так и сложность интерпретирования письменных свидетельств. В свое время фатей (Mela I. 19; Plin. NH VI. 17; Ptolem. V. 8. 12. 17–25; Chron. Alex. 186) и псессы (Plin. NH VI. 7; Ptolem. V. 8. 12; 9. 17; Herodian. Techn. VIII. 208. 10; Tab. Peut. сегмент VIII. 3) размещались, по В.В. Латышеву, между реками Еей и Челбасы, где, как впоследствии оказалось, отсутствуют меотские памятники. В.В. Шилов, отказавшись от такого варианта, локализовал эти племена на Кубани, там, где действительно находятся меотские городища (Каменецкий 1989. С. 227). На основе археологических источников здесь выделяется особый позднемеотский период (вторая половина I в. н.э. – III в. н.э.). Помимо густой сети городищ в бассейне р. Кубани (Краснодарская,

Усть-Лабинская, Ладожская и ряд более восточных групп), еще две группы памятников располагаются в районах устья р. Кирпили и Танаиса (Каменецкий 1989. С. 240–248). Заманчиво связать некоторые упоминаемые в письменных источниках племена Меотиды с этими древностями. В.П. Шилов предложил, например, поместить досхов в дельтах рек Кирпили и Протоки, а между досхами и Кубанью – дандариев (Каменецкий 1989. С. 227). Заметим, что степень обоснования любых подобных локализаций не может быть признана достаточно аргументированной. К тому же в первые века нашей эры происходила некоторая этнокультурная ассимиляция меотов с сарматами (Каменецкий 1989. С. 234–238), хотя о формировании какой-то единой сармато-меотской культуры речь, конечно, идти не может (Шевченко 2013. С. 69). Все это не позволяет с надежностью отождествить данные племена с конкретными археологическими памятниками. Не следует также забывать, что в одних источниках диафеса племен связана с периплом, что означает локализацию этих племен на побережье, а в других – с перизгезой, где фигурировали племена из глубинных районов материка (Зубарев 2005. С. 365–366). При этом многие племена попали в сочинения авторов из более древней письменной традиции, тем самым исказив этническую картину современной автору эпохи.

Сложности подобной локализации видны на следующем примере. Городища на р. Кирпили, в отличие от размещения здесь В.П. Шиловым досхов, И.С. Каменецкий связывает с язаматами, которые, по его мнению, пришли сюда еще в начале III в. до н.э. с побережья Черного моря, а в начале I в. н.э. покинули свои дома, переселившись на Дон (Каменецкий 1971. С. 165–170; 2011. С. 335; Зубарев 2005. С. 239–241). Однако, по уточненным данным, указанные городища возникли только в начале I в. до н.э., что делает невозможным их отождествление с язаматами. В любом случае все они к I в. н.э. пришли в упадок, и люди стали массово покидать свои дома, возможно, действительно переселяясь на Дон (Шевченко 2013. С. 46, 69–71). Любопытно, но именно с конца I в. до н.э., и особенно рубежа нашей эры, вокруг дельты Дона возникает ряд укрепленных поселений, носивших ярко выраженный туземный характер (Капошина 1962. С. 100; Кругликова 1974. С. 182; Каменецкий 1993. С. 5–6, 12–14, 145–153). Не исключено, что это были обычные военно-хозяйственные поселения, в которых жило эллинизированное варварское население, находившееся на службе у боспорского царя. Трудно сказать, с ними или все же с кочевыми ордами необходимо связывать появившихся здесь загадочных танаитов. Дело в том, что данный регион с I в. н.э. был затронут сложным процессом формирования на просторах Евразии среднесарматской культуры, поэтому танаиты вполне могли

иметь прямое отношение к указанным кочевникам. Сам данный этноним, конечно, мало чем может помочь в этнической идентификации этих варваров, так как он, безусловно, имеет географическую основу, ведь, например, и расположенный рядом боспорский город в устье Танаиса также носил название Танаис. Впервые танаиты появляются в титулатуре Аспурга (КБН 39. 40), позднее Птолемей упоминает их вместе с офлонами в районе Танаиса (Ptolem. III. 5. 10). Существует еще достаточно неясное сообщение Плиния: «...сюда вторглись скифские племена авхетов, атернеев и ассампатов и истребили поголовно танаитов и инапеев» (Plin. NH VI. 22), свидетельствующее о том, что этот народ серьезно пострадал в междоусобной войне. У Страбона танаиты действительно отсутствуют, хотя он был весьма хорошо осведомлен о расселении племен в Северном Причерноморье (Завойкина 2004. С. 169–170). Не исключено, что танаиты являлись союзным боспорскому царю племенем и, хотя не несли военную службу, как, например, аспургиане, также могли серьезно пострадать во время разгрома Танаиса Полемоном (Strabo XI. 2. 3). При этом мы разделяем точку зрения Н.В. Завойкиной об отсутствии связи между указанными танаитами с более поздней городской общиной танаитов – выходцев из сарматской среды (Завойкина 2004. С. 169–171).

Что же касается иксибатов-язаматов, то они вполне могли являться одним из сарматских племен раннесарматской культуры (Виноградов 1963. С. 114, 145; Смирнов 1971. С. 191–196; Максименко 1983. С. 16), мигрирующим еще в IV в. до н.э. в район Подонья (Максименко 2004. С. 136–137). Тогда название сарматского племени языгов может являться производным от более ранней формы язаматов-яксамагов (Смирнов 1971. С. 191–196). Т.е. можно предположить, что к началу нашей эры какая-то часть именно этих племен откочевала в степи за Днепр, где и стала известна под именем языгов. Двухкратное переселение язаматов, которых И.С. Каменецкий считал меотами, не находит подтверждения в источниках (Виноградов 1974. С. 153–159). По свидетельству Псевдо-Скимна, после сарматов, живущих на Танаисе, располагалось (со ссылкой на Деметрия) меотийское племя язаматов, которое у Эфора (IV в. до н.э.) называлось савроматами. Термин «меоты» употребляется здесь Деметрием явно в географическом контексте (Максименко 2004. С. 137). Помпоний Мела сообщает, что ближе всего к устью реки живут иксиматы (Mela I. 19. 114). Птолемей также помещает их в нижнем течении Танаиса, но в глубине степи (Ptolem. V. 8. 16). Нижнедонские памятники раннесарматской и среднесарматской культур являются хорошим отражением вышеназванных сведений (Смирнов 1989. С. 165–177; Мошкова 1989. С. 177–191). Скорее всего, именно территория Нижнего Дона и являлась местом кочевий этой варварской группы. Во всяком слу-

чае, анализ письменных источников, как уже говорилось выше, не подтверждает их внезапную миграцию с берегов Черного моря (Виноградов 1974. С. 156).

Переходя к характеристике степного пространства Северного Причерноморья на рубеже эр, необходимо отметить следующее. По ту сторону Дуная Страбон помещает гетов (Strabo VII. 3. 8). Кассий Дион, однако, называет живших здесь, по обе стороны Дуная, варваров даками (Cass. Dio. LI. 22. 7). Плиний уточняет, что гетов теперь «римляне называют даками» (Plin. NH IV. 25. 80). Это сильно романизированное фракийское племя (которое обычно отождествляется с липицкой культурой) жило в Дакии и частично в Мунтении (памятники типа Милитарь-Килия) (Магомедов 2000. С. 325; Никитина 2006. С. 49). Именно геты в середине I в. до н.э. разграбили Ольвию – античный город, расположенный на западном берегу Днепро-Бугского лимана, один из важнейших античных центров Северного Причерноморья (Dio Chrys. XXXVI. 4). Отсутствие здесь археологических слоев второй половины I в. до н.э. может означать, что жизнь в Ольвии возродилась только на рубеже эр (Анохин 1989. С. 56; Крапивина 1993. С. 140–141; Крыжицкий и др. 1999. С. 230–233).

Отдельное племя бастарнов (певкинов) Страбон помещает в устье Дуная (Strabo VII. 3. 17). Археологическим отражением пришедших с запада бастарнов считается поянешты-лукашевская культура (Щукин 2005. С. 60). Тацит подтверждает данную информацию: «...певкины, которых некоторые называют бастарнами...» (Tacit. Germ. 46). Один из памятников певкинов Сата-Ноу с керамикой поянешты-лукашевской культуры исследован в Добрудже (Щукин 2005. С. 60). Рядом Страбон помещает спорное племя троглодитов, якобы живших около Каллатия, Том и Истра (Strabo VII. 5. 12). Птолемей уточняет, что рядом с певкинами «ниже устья Певки живут троглодиты» (Ptolem. III. 10. 4). Там же их помещает Аммиан Марцеллин (Amm. Marcell. XXII. 8. 43). По мнению Ю.М. Десятчикова, троглодиты могут быть отождествлены с сатархами (Десятчиков 1973. С. 136–138). Однако данный термин, скорее всего, не является этническим названием. В разные времена его применяли в отношении разных народов (Буданова 2000. С. 378–379).

Выше же певкинов находились бритолаги (Ptolem. III. 10. 7). Забегая немного вперед, скажем, что в дальнейшем наиболее организованной силой Северо-Западного Причерноморья, учитывая монолитность культуры, стали, по-видимому, карпы (этническое определение которых неясно), ко II–III вв. н.э. частично проникшие на Нижний Дунай (Ptolem. III. 5. 10; 10. 13; Dexipp. Fr. 13) и сопоставляемые обычно с культурой Поянешты-Вуртешкой между Карпатами и Прутом (Магомедов 2000. С. 325; Щукин 2005. С. 131).

В междуречье Дуная и Днепра Страбоном локализованы языги, урги, царские сарматы и бастарны, а между Днепром и Доном роксоланы (Strabo VII. 3. 17). Попытка отождествить ургов Страбона с более поздними уругундами, живущими на Истре (Zosim. I. 27. 1; 31. 1), с локализацией их на Днепре, не совсем удачна (Рыбаков 1950. С. 16). Существует и мнение Л.А. Ельницкого, предположившего, что урги – это испорченные георги, высказанное им в примечаниях к переводам В.В. Латышева, С.В. Мирошникова, П.И. Прозорова текста Страбона (Ельницкий 1947. С. 200). Здесь же в устье Тираса (Днестра) находился античный город Тира, обладавший небольшой земледельческой хорой с зависимым оседлым населением. Выше по Нижнему Днепру находилась целая сеть городищ предположительно позднескифского или даже эллинского населения (Гаврилюк, Крапивина 2007. С. 52–65). Считается, что Северо-Западное Причерноморье входило в зону влияния гетов и бастарнов. Видимо, неслучайно на карте Агриппы граница между Сарматией и Дакией проходит по Днепру (Глебов 2001. С. 198). Возможно, это доказывает этноним «тирагеты», судя по наименованию, имеющий привязку к Днестру (Strabo II. 5. 12. 30; VII. 1. 1; 3. 1; 14. 17; Plin. NH IV. 26; Ptolem. III. 5. 11; 10. 7). Во всяком случае, только после разгрома Марком Крассом в 29–27 гг. до н.э. гето-бастарнов сарматы (язаматы, ставшие языгами) стали переходить через Днепр в степи Северо-Западного Причерноморья (Глебов 2001. С. 198; Симоненко 1981. С. 66–68). С этого времени набеги сарматов на римские провинции на Дунае становятся регулярными (Глебов 2001. С. 198).

Далее к востоку в степной зоне между Меотидой и Каспием кочевали набианы, панксаны, сираки и аорсы. Причем нижние аорсы занимали земли по Танаису, а верхние – на Каспийском побережье (Strabo XI. 5. 7–8). Судя по всему, территория, контролируемая аорсами и сираками, не достигала Кавказских гор – между ними и предгорьями располагались набианы и панксаны (Каменецкий 2011. С. 163). Сираки же, по-видимому, находились в районах Прикубанья и Предкавказья. Река Ахардей, на которой локализованы Страбоном сираки, большинством исследователей отождествляется с Манычем, его левым притоком Егорлыком (Смирнов 1950. С. 105; Виноградов 1963. С. 142; Виноградов 1965. С. 33–45; Шилов 1983. С. 82–93) или же с Кубанью (Ростовцев 1918. С. 128; Каменецкий 1965. С. 5, 10–12; Гаглойти 1968. С. 24). К.Ф. Смирнов расселяет сираков на северокавказских равнинах от Кубани до Маныча (Смирнов 1950. С. 106); В.П. Шилов – на просторах приазовских и в глубинных районах предкавказских степей (Шилов 1983. С. 42, 43); В.Б. Виноградов – на всей территории Центрального и Северо-Восточного Предкавказья (Виноградов 1963. С. 142); Д.А. Мачинский, наоборот, отводит сиракам степи к северу от Кубани (Мачинский 1974. С. 128).

Любопытно, что у Помпония Мелы сираки действительно локализируются где-то на восточном побережье Меотиды (Mela I. 114), но некие аорсы, которых обычно помещают в Придонье к востоку от Маныча (Мошкова 1989а. С. 156–157; Мачинский 1974. С. 131), оказываются уже в устье р. Букес (Зубарев 2005. С. 269), впадающей в Меотиду (Mela I. 114), т.е. на территории Крыма, на западной границе Боспорского царства. Это объясняет странности римско-боспорской войны 49 г. н.э., когда аорсы, вместе с войском Котиса выступив против Митридата и сираков (Tacit. Ann. XII. 15–16), похоже, действительно переправились на азиатскую часть Боспора из Крыма (Скрипкин 1996. С. 166; Глебов 2001. С. 197). В Кавказском же предгорье Страбон поместил «неких троглодитов», а также хамекитов, многоедов и исадигов (Strabo XI. 5. 7). Плиний же размещает «вокруг Меотийского озера до Керавнских гор следующие племена: по берегу живут напры, выше их по вершинам гор – эсседоны, владения которых простираются до колхов. <...> Затем камаки, ораны, автаки, мазамаки, кантиокапты, агаматы, пики, римосолы, акаскомарки» (Plin. NH VI. 20–21). Противоречивость данных этой этнокарты недавно была подробно рассмотрена И.С. Каменецким (2011. С. 170–171).

Археологические источники в целом подтверждают данную картину расселения племен и народов в степной зоне Северного Причерноморья в начале римского времени. При этом отметим, что после зафиксированных немногочисленных сарматских погребений II–I вв. до н.э. в районах между Днепром и Доном (Симоненко 2000. С. 159–160), в степях Крыма (Симоненко 1991. С. 17–28) и в Северо-Западном Причерноморье (Дзиговский 2003. С. 69–73; Шукин 2005. С. 197; Савельев 2005. С. 331) археологическая ситуация в регионе начинает меняться. Число сарматских памятников второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. к западу от Днестра возрастает (Дзиговский 2003. С. 81–82; Шукин 2005. С. 62), на левобережье Кубани во второй половине I в. до н.э. появляются курганные могильники зубовско-воздвиженской группы сарматских памятников, по ряду черт отличающихся от среднесарматских сиракских комплексов Прикубанья. Главной особенностью здесь было то, что погребения зубовско-воздвиженской группы в основной своей массе являлись не впускными, как захоронения сираков, а основными в курганах (Абрамова 2000. С. 126–127). В самих же погребениях указанной группы отмечены ярко выраженные центральноазиатские элементы культуры (Раев, Яценко 1993. С. 112). Сложность этнической интерпретации этих памятников стала причиной отождествления их не только с сираками (Смирнов 1952. С. 14–15; Пуздровский 2001. С. 104) или с меотами (Абрамова 2000. С. 123–128), но и с подошедшими с востока аланами (Раев, Яценко 1993. С. 111–125). Сейчас уже трудно отрицать огромную роль миграций

из глубин Азии как в становлении среднесарматской культуры, так и в появлении многих инноваций в культуре сарматов I в. н.э. (Скрипкин 1982. С. 206–222). В пользу этой концепции свидетельствуют и запустение к рубежу эр южноуральских степей по причине аридизации (Демкин, Рысков 1995. С. 135–138), и смещение центра формирования среднесарматской культуры в сторону Нижнего Дона (Сергацков 2002. С. 18). Однако данный процесс нельзя упрощать, ведь, судя по всему, пришельцы постоянно смешивались здесь с какой-то частью сираков (Савельев 2005. С. 57) и, возможно, аорсов (Скрипкин 1984. С. 115; Щукин 2005. С. 62), что приводило к неизбежной трансформации культурной среды.

Итак, очевидно, что после смерти правителя гетов Бурбисты в регионе стала постепенно стабилизироваться военно-политическая обстановка. Некоторое время здесь отсутствовали крупные катаклизмы, масштабные войны и массовые передвижки племен. Все это, безусловно, способствовало почти беспрепятственному выходу Римской империи на просторы Северного Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. [*Abayev V.I.* Osetinskiy yazyk i fol'klor (Ossetian Language and Folklore). Moscow; Leningrad, 1949.]
- Абаев В.И.* Геродотовские scythai georgoi // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 74–76. [*Abayev V.I.* Gerodotovskkiye scythai georgoi (Herodotus' scythai georgoi) // Voprosy yazykoznaneya. 1981. N 2. S. 74–76.]
- Абрамова М.П.* О погребениях зубовско-воздвиженской группы: Историографический обзор // Нижнее-волжский археологический Вестник. 2000. Вып. 3. С. 123–128. [*Abramova M.P.* O pogrebeniyakh zubovsko-vozdvizhenskoj grupy: Istoriograficheskiy obzor (On the burials of the Zubov-Vozdvizhenskaya group: Historiographic review) // Nizhneye-volzhskiy arkhelogicheskiy Vestnik. 2000. Вып. 3. S. 123–128.]
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. [*Anokhin V.A.* Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Coins of ancient cities of the North-Western Black Sea region). Kiev, 1989.]
- Артамонов М.И.* Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. 1948. № 8. С. 56–78. [*Artamonov M.I.* Skifskoye tsarstvo v Krymu (Scythian Kingdom in the Crimea) // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1948. N 8. S. 56–78.]
- Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья в ан-

- тичную эпоху. М., 1959. С. 7–39. [*Blavatskiy V.D. Protsess istoricheskogo razvitiya antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya* (Historical Development of the Ancient States of the Northern Black Sea Region) // *Problemy istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu*. Moscow, 1959. S. 7–39.]
- Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. [*Budanova V.P. Varvarskiy mir epokhi Velikogo pereseleniya narodov* (The Barbarian World of the Great Migration). Moscow, 2000.]
- Виноградов Ю.Г.* Перстень царя Скила // СА. 1980. № 3. С. 92–109. [*Vinogradov Yu.G. Persten' tsarya Skila* (The King Skyles ring) // *Sovetskaya arkheologiya*. 1980. N 3. S. 92–109.]
- Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-та. Грозный, 1963. Т. IV. [*Vinogradov V.B. Sarmaty Severo-Vostochnogo Kavkaza* (The Sarmatians of the northeastern Caucasus) // *Trudy Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Groznyy, 1963. T. IV.]
- Виноградов В.Б.* Еще раз о язаматах // ВДИ. 1974. № 1. С. 153–159. [*Vinogradov V.B. Yeshche raz o yazamatakh* (Once more of the yazamates) // *Vestnik drevney istorii*. 1974. N 1. S. 153–159.]
- Виноградов В.Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 33–45. [*Vinogradov V.B. Sirakskiy soyuz plemen na Severnom Kavkaze* (Sirak tribal confederation in the North Caucasus) // *Sovetskaya arkheologiya*. 1965. N 1. S. 33–45.]
- Гаврилюк Н.А., Крапивина В.В.* Постскифские городища Нижнего Поднепровья и Ольвия // Древности Северного Причерноморья в античное время. МАИЭТ. Supplementum. Симферополь, 2007. Вып. 4. С. 52–65. [*Gavriilyuk N.A., Krapi vina V.V. Postskifskiye gorodishcha Nizhnego Podneprov'ya i Olviya* (Post-Scythian settlements of the Lower Dnieper and Olbia) // *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya v antichnoye vremya*. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum. Simferopol, 2007. Вып. 4. S. 52–65.]
- Гаглойти Ю.С.* К истории северокавказских аорсов и сираков // Известия Юго-Осетинского науч.-исслед. ин-та АН ГрССР. Цхинвали, 1968. Вып. XV. С. 23–39. [*Gagloyti Yu.S. K istorii severokavkazskikh aorsov i sirakov* (On the history of the North Caucasian Aorses and Sirakes) // *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta AN Grusinskoy SSR*. Tskhinvali, 1968. Вып. XV. S. 23–39.]
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. [*Gaydukevich V.F. Bosporskoye tsarstvo* (Bosporan kingdom). Moscow; Leningrad, 1949.]
- Глебов В.П.* Сарматы и Боспор на рубеже эр // Боспорский феномен. 2001. Ч. 2. С. 194–201. [*Glebov V.P. Sarmaty i Bospor na rubezhe er* (Sarmatians and Bosporus at the turn of the eras) // *Bosporskiy fenomen*. 2001. Ch. 2. S. 194–201.]

- Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006. [Golenko V.K. Drevniy Kimmerik i yego okruga (Ancient Kimmerik and its environs). Simferopol, 2006.]
- Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. [Grakov B.N. Skify (Scythians). Moscow, 1971.]
- Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 1988. С. 6–175. [Gratsianskaya L.I. «Geografiya» Strabona. Problemy istochnikovedeniya (Geography of Strabo. Problems of source studies) // Drevneyshiy gosudarstva na territorii SSSR. 1986 g. Moscow, 1988. S. 6–175.]
- Грацианская Л.И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 г. М., 1976. С. 6–20. [Gratsianskaya L.I. Mesto politicheskoy istorii Bospora v «Geografii» Strabona (The place of the political history of the Bosphorus in the “Geography” of Strabo) // Drevneyshiy gosudarstva na territorii SSSR. 1975 g. Moscow, 1976. S. 6–20.]
- Демкин В.А., Рысков Я.Г. Почвы и ландшафты сухих степей Приуралья во II–I тысячелетиях до нашей эры // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала: Ч. V. Кн. 2: Материалы 3-й Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Челябинск, 1995. С. 135–138. [Demkin V.A., Ryskov Ya.G. Pochvy i landshafty sukhikh stepey Priural'ya vo II–I tysyacheletiyakh do nashey ery (Soils and landscapes of the dry steppes of the Urals in the 2nd–1st millennium BC) // Kul'tury drevnikh narodov stepnoy Yevrazii i fenomen protogorodskoy tsivilizatsii Yuzhnogo Urala: Ch. V. Kn. 2: Materialy 3-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeystviya». Chelyabinsk, 1995. S. 135–138.]
- Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144. [Desyatchikov Yu.M. Satarkhi (Satharchi) // Vestnik drevney istorii. 1973. N 1. S. 131–144.]
- Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. [Dzigovskiy A.N. Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel' (Essays on the history of the Sarmatians of the Carpatho-Dnieper lands). Odessa, 2003.]
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. [Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. Narody nashey strany v «Istorii» Gerodota (The peoples of our country in the Herodotus' “Histories”). Moscow, 1982.]
- Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. [Yel'nitskiy L.A. Znaniya drevnikh o severnykh stranakh (Knowledge of the ancients about the northern countries). Moscow, 1961.]
- Завойкина Н.В. Таваεῖται в истории Боспорского царства // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 163–197. [Zavoykina N.V. Tavaεῖται v istorii Bosporskogo tsarstva (Таваεῖται

- in the history of the Bosporan kingdom) // *Drevnosti Bospora*. 2004. Вып. 7. S. 163–197.]
- Зайцев Ю.П.* Аргот – супруг царицы Комосарии (К реконструкции династийной истории Боспора и Крымской Скифии) // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). Таманская старина*. СПб., 2000. Вып. 3. С. 52–54. [*Zaytsev Yu.P.* Argot – suprug tsaritsy Komosarii (K rekonstruktsii dinastiynoy istorii Bospora i Krymskoy Skifii) (Argoth – consort of the queen Komosaria (To the reconstruction of the dynastic history of the Bosphorus and Crimean Scythia)) // *Greki i varvary na Bospore Kimmeriyskom (VII–I vv. do n.e.). Tamanskaya starina*. St-Petersburg, 2000. Вып. 3. S. 52–54.]
- Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. [*Zubarev V.G.* Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii (Historical geography of the Northern Black Sea region according to the ancient written tradition). Moscow, 2005.]
- Зубарев В.Г.* К вопросу о локализации местности «Тафрос» (античная традиция и данные археологии) // БФ. 2005. С. 40–41. [*Zubarev V.G.* K voprosu o lokalizatsii mestnosti «Tafros» (antichnaya traditsiya i dannyye arkeologii) (On the issue of localization of the area “Taphros” (ancient tradition and archeological data)) // *Bosporskiy fenomen*. 2005. S. 40–41.] (a)
- Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994. [*Zubar' V.M.* Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voyenno-politicheskoy istorii (Chersonesus Taurica and the Roman Empire. Essays on military-political history). Kiev, 1994.]
- Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998. [*Zubar' V.M.* Severnyy Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n.e. – pervaya polovina VI v.) (Northern Pontus and the Roman Empire (mid-1st century BC – first half of the 6th century)). Kiev, 1998.]
- Зубарь В.М.* Еще раз по поводу позднескифской государственности // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 501–520. [*Zubar' V.M.* Yeshche raz po povodu pozdneskifskoy gosudarstvennosti (Once again about the late Scythian statehood) // *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*. 2002. Вып. IX. S. 501–520.]
- Зубарь В.М., Сон Н.А.* Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху: Основные тенденции социально-экономического развития // МАИЭТ. Supplementum. Симферополь, 2007. Вып. 3. [*Zubar' V.M., Son N.A.* Severo-Zapadnoye Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu: Osnovnyye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (The North-Western Black Sea region in Antiquity: Main trends in socio-economic development) // *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*. Supplementum. Simferopol, 2007. Вып. 3.]

- Глюшечкина Е.В.* Племена Меотиды в позднеэпической традиции: Дионисий Периегет // БФ. 2007. Ч. II. С. 220–227. [*Ilyushechkina Ye.V.* Plemena Meotidy v pozdneepicheskoy traditsii: Dionisiy Perieget (Tribes of Meotis in the Late Epic Tradition: Dionysius Periegetes) // *Vosporskiy fenomen*. 2007. Ch. II. S. 220–227.]
- Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981. [*Kadeyev V.I.* Khersones Tavricheskii v pervyye veka n.e. (Chersonesus Taurica in the first centuries AD). Khar'kov, 1981.]
- Каменецкий И.С.* Ахардей и сираки // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 5–12. [*Kamenetskiy I.S.* Akhardey i siraki (Akhardeus and Sirakes) // *Materialy sessii, posvyashchennoy itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1964 g. v SSSR*. Baku, 1965. S. 5–12.]
- Каменецкий И.С.* О язаматах // Проблемы скифской археологии / МИА. 1971. № 177. С. 165–170. [*Kamenetskiy I.S.* O yamazatakh (About Iazamates) // *Problemy skifskoy arkheologii* / *Materal'y i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1971. N 177. S. 165–170.]
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 224–251. [*Kamenetskiy I.S.* Meoty i drugiye plemena severo-zapadnogo Kavkaza v VII v. do n.e. – III v. n.e. (Meotai and other tribes of the northwestern Caucasus) // *Stepi Yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moscow, 1989. S. 224–251.]
- Каменецкий И.С.* История изучения меотов. М., 2011. [*Kamenetskiy I.S.* Istoriya izucheniya meotov (History of the Meotian study). Moscow, 2011.]
- Капошина С.И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962. С. 95–112. [*Kaposhina S.I.* Raskopki Kobyakova gorodishcha i yego nekropolya (Excavations of the Kobyakov settlement and its necropolis) // *Arkheologicheskiye raskopki na Donu*. Rostov-na-Donu, 1962. S. 95–112.]
- Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981. [*Kastanayan Ye.G.* Lepnaya keramika Vosporskikh gorodov (Moulded ceramics of the Bosporan cities). Leningrad, 1981.]
- Катюшин А.Е.* Курганный могильник I в. до н.э. – II в. н.э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 21–31. [*Katyushin A.Ye.* Kurgannyy mogil'nik I v. do n.e. – II v. n.e. v okrestnostyakh Feodosii (Burial mound of the 1st century BC. – II century AD near Feodosia) // *Materal'y po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. 1996. Vyp. V. S. 21–31.]
- Колтухов С.Г.* О Крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М., 2001. С. 59–70. [*Koltukhov S.G.*

- О Krymskikh kurganakh s «kollektivnymi pogrebeniyami» (Crimean mounds with “collective burials”) // Pozdniye skify Kryma. Trudy GIM. Moscow, 2001. S. 59–70.]
- Корчелла А.* Скифы ἀροτῆρες и скифы γεωργοί // ВДИ. 1994. № 1. С. 82–89. [Korchella A. Skify ἀροτῆρες i skify γεωργοί (Scythians ἀροτῆρες and Scythians γεωργοί) // Vestnik drevney istorii. 1994. N 1. S. 82–89.]
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. [*Krapivina V.V.* Ol’viya. Material’naya kul’tura I–IV vv. n.e. (Olvia. Material culture 1st–4th centuries. AD). Kiev, 1993.]
- Кругликова И.Т.* Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Ч. II. С. 173–193. [*Kruglikova I.T.* Raboty Sukho-Chaltyrskogo otryada Nizhne-Donskoy ekspeditsii (Works of the Sukho-Chaltyr detachment of the Lower-Don expedition) // Arkheologicheskiye pamyatniki Nizhnego Podon’ya. Moscow, 1974. Ch. II. S. 173–193.]
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. [*Kryzhitskiy S.D., Rusyayeva A.S., Krapivina V.V., Ley-punskaya N.A., Skrzhinskaya M.V., Anokhin V.A.* Ol’viya. Antichnoye gosudarstvo v Severnom Prichernomor’ye (Olvia. An ancient state in the Northern Black Sea region). Kiev, 1999.]
- Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. [*Lavrov L.I.* Istoriko-etnograficheskiye ocherki Kavkaza (Historical and ethnographic essays of the Caucasus). Leningrad, 1978.]
- Латышев В.В.* Известия греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1904–1906. Т. II. Вып. 1–2. [*Latyshev V.V.* Izvestiya grecheskikh i latinski-kh pisateley o Skifii i Kavkaze (The Greek and Latin writers’ accounts of Scythia and the Caucasus). St-Petersburg, 1904–1906. T. II. Vyp. 1–2.]
- Латышев В.В.* Известия греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. Страбон «География» // ВДИ. 1947. № 4. С. 177–241. [*Latyshev V.V.* Izvestiya grecheskikh i latinskikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Strabon “Geografiya” (The Greek and Latin writers’ accounts of Scythia and the Caucasus. Strabo’s “Geography”) // Vestnik drevney istorii. 1947. N 4. S. 177–241.]
- Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // PONTIKA: Сб. науч. ст. В.В. Латышева. СПб., 1909. С. 60–128. [*Latyshev V.V.* Kratkiy ocherk istorii Bosporskogo tsarstva (Brief outline of the history of the Bosphorus kingdom) // PONTIKA: Sbornik nauchnykh statey V.V. Latysheva. St-Petersburg, 1909. S. 60–128.]
- Магомедов Б.В.* Этнические компоненты черняховской культуры // Stratum plus. 2000. № 4. С. 322–330. [*Magomedov B.V.* Etnicheskiye komponenty chernyak-

hovskoy kul'tury (Ethnic components of the Chernyakhov culture) // Stratum plus. 2000. N 4. S. 322–330.]

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. [Maksimenko V.Ye. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (Savromates and Sarmatians on the Lower Don). Rostov-na-Donu, 1983.]

Максименко В.Е. Проблемы этнической интерпретации нижнедонских памятников скифской эпохи // ВДИ. 2004. № 3. С. 133–143. [Maksimenko V.Ye. Problemy etnicheskoy interpretatsii nizhnedonskikh pamyatnikov skifskoy epokhi (Problems of ethnic interpretation of the Lower Don monuments of the Scythian era) // Vestnik drevney istorii. 2004. N 3. S. 133–143.]

Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003. [Maslennikov A.A. Drevniye zemlyanuye pogranichno-oboronitel'nyye sooruzheniya Vostochnogo Kryma (Ancient earthen border-defensive structures of the Eastern Crimea). Tula, 2003.]

Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. 1995. Вып. 8. [Maslennikov A.A. Kamennyye yashchiki Vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniya Yevropeyskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.) (Stone boxes of the Eastern Crimea (On the history of the rural population of the European Bosphorus in the 6th–1st centuries BC)) // Bosporskiy sbornik. 1995. Vyp. 8.]

Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. [Maslennikov A.A. Naseleniye Bosporskogo gosudarstva v VI–II vv. do n.e. (The population of the Bosphorus state in the 6th–2nd centuries BC). Moscow, 1981.]

Масленников А.А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. 1994. № 4. С. 176–184. [Maslennikov A.A. Raskopki na Uzunlarskom valu (Vostochnyy Krym) (Excavations on the Uzunlar shaft (Eastern Crimea)) // Rossiyskaya arkheologiya. 1994. N 4. S. 176–184.]

Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122–132. [Machinskiy D.A. Nekotoryye problemy etnogeografii vostochnoyevropeyskikh stepey vo II v. do n.e. – I v. n.e. (Some problems of the ethnogeography of the Eastern European steppes in the 2nd century BC – 1st century AD) // Arkheologichskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. 1974. Vyp. 16. S. 122–132.]

Медведев А.П. О погребениях с конями в античном некрополе Фанагории // АМА. 2015. №17. С. 272–288. [Medvedev A.P. O pogrebeniyakh s konyami v antichnom nekropole Fanagorii (About burials with horses in the ancient necropolis of Phanagoria) // Antichnyy mir i arkheologiya. 2015. N 17. S. 272–288.] (a)

Медведев А.П. Об аспурггианах в Фанагории // ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Сб. научн. тр. к 50-лет. проф. Н.Н. Болгова / Под ред. Е.В. Литов-

- ченко. Белгород, 2015. С. 61–70. [*Medvedev A.P.* Ob aspurgianakh v Fanagorii (About Aspurgians in Phanagoria) // IRESIONA. Antichnyy mir i yego naslediyе. Sbornik nauchnykh trudov k 50-letiyu prof. N.N. Bolgova / Ed. Ye.V. Litovchenko. Belgorod, 2015. S. 61–70.] (б)
- Молев Е.А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. [*Molev Ye.A.* Bospor v period ellinizma (Bosporus during the Hellenistic period). Nizhniy Novgorod, 1994.]
- Молев Е.А.* Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 54–64. [*Molev Ye.A.* Bospor i varvary Severnogo Prichernom'ya nakanune pokhodov Diofanta (Bosporus and the barbarians of the Northern Black Sea region on the eve of the campaigns of Diophantus) // Mezhdunarodnyye otnosheniya v basseyne Chernogo моря v drevnosti i sredniye veka. Rostov-na-Donu, 1986. S. 54–64.]
- Молев Е.А.* Этногеографическая ситуация на Боспоре и у его границ в конце II – первой половине I в. до н.э. // GAUDEAMUS IGITUR: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 268–276. [*Molev Ye.A.* Etnogeograficheskaya situatsiya na Bospore i u yego granits v kontse II – pervoy polovine I v. do n.e. (The ethnogeographical situation in the Bosporus and at its borders at the end of the 2nd – the first half of the 1st centuries BC) // GAUDEAMUS IGITUR: Sbornik statey k 60-letiyu A.V. Podossinova. Moscow, 2010. S. 268–276.]
- Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1989. С. 177–191. [*Moshkova M.G.* Srednesarmatskaya kul'tura (Middle Sarmatian culture) // Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Arkheologiya SSSR). Moscow, 1989. S. 177–191.] (а)
- Мошкова М.Г.* Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1989. С. 202–214. [*Moshkova M.G.* Khozyaystvo, obshchestvennyye otnosheniya, svyazi sarmatov s okruzhayushchim mirom (Economy, social relations, connections of the Sarmatians with the outside world) // Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Arkheologiya SSSR). Moscow, 1989. S. 202–214.] (б)
- Никитина Г.Ф.* Земледелие в черняховской культуре // РА. 2006. № 4. С. 41–49. [*Nikitina G.F.* Zemledeliye v chernyakhovskoy kul'ture (Agriculture in the Chernyakhov culture) // Rossiyskaya arkheologiya. 2006. N. 4. S. 41–49.]
- Ольховский В.С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 52–65. [*Ol'khovskiy V.S.* Naseleniye Kryma po dannym antichnykh avtorov (The population of Crimea according to ancient authors) // Sovetskaya arkheologiya. 1981. N 3. S. 52–65.]

- Пуздровский А.Е.* Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 208–225. [*Puzdrovskiy A.E.* Etnicheskaya istoriya Krymskoy Skifii (II v. do n.e. – III v. n.e.) (Ethnic history of the Crimean Scythia (2nd century BC – 3rd century AD)) // *Khersonesskiy sbornik*. 1999. Vyp. X. S. 208–225.]
- Пуздровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ВДИ. 2001. № 3. С. 86–118. [*Puzdrovskiy A.E.* Politicheskaya istoriya Krymskoy Skifii (II v. do n.e. – III v. n.e.) (Political history of Crimean Scythia (2nd century BC – 3rd century AD)) // *Vestnik drevney istorii*. 2001. N 3. S. 86–118.]
- Раев Б.А., Яценко С.А.* О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти акад. М.И. Ростовцева) / Под ред. М.Ю. Вахтиной. Новочеркасск, 1993. С. 111–125. [*Raev B.A., Yatsenko S.A.* O vremeni pervogo poyavleniya alanov v Yugo-Vostochnoy Yevrope (About the time of the first appearance of the Alans in South-Eastern Europe) // *Skifiya i Bospor* (materialy konferentsii pamyati akad. M.I. Rostovtseva) / Ed. M.Yu. Vakhtina. Novocherkassk, 1993. S. 111–125.]
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. [*Rostovtsev M.I.* Kurgannyye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma (Kurgan finds of the Orenburg region of the era of early and late Hellenism). Petrograd, 1918.]
- Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности: Труды Импер. Моск. археол. об-ва. 1916. Т. 25. С. 1–24. [*Rostovtsev M.I.* Bronzovyy byust bosporskoy tsaritsy i istoriya Bospora v epokhu Avgusta (Bronze bust of the Bosporan queen and the history of the Bosporus in the era of Augustus) // *Drevnosti: Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkhelogicheskogo obshhchestva*. 1916. T. 25. S. 1–24.]
- Рыбаков Б.А.* Уличи (Историко-географические заметки) // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 3–17. [*Rybakov B.A.* Ulichy (Istoriko-geograficheskiye zametki) (The Ulichy (Historical and geographical notes)) // *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury RAN*. 1950. Vyp. XXXV. S. 3–17.]
- Савельев О.К.* Аланы в Северо-Западном Причерноморье (письменные источники и археологические соответствия) // БФ. 2005. С. 330–335. [*Savel'yev O.K.* Alany v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye (pis'mennyye istochniki i arkhelogicheskiye sootvetstviya) (Alans in the North-Western Black Sea region (written sources and archaeological correspondences)) // *Bosporskiy fenomen*. 2005. S. 330–335.] (a)
- Савельев О.К.* О возможных причинах появления аланов в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. // Кондаковские чтения I. Белгород, 2005. С. 54–60. [*Savel'yev O.K.* O vozmozhnykh prichinakh poyavleniya alanov v

- Severo-Zapadnom Prichernomor'ye v seredine I v. n.e. (Possible reasons for the appearance of the Alans in the North-Western Black Sea region in the middle of the 1st century AD) // Kondakovskiye chteniya I. Belgorod, 2005. S. 54–60.] (6)
- Сапрыкин С.Ю.* Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. Т. 5. С. 207–223. [*Saprykin S. Yu.* Aspurg, tsar' Bospora (Aspurgus, king of the Bosporus) // *Drevnosti Bospora*. 2002. Т. 5. С. 207–223.]
- Сергацков И.В.* История исследования среднесарматских древностей // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М., 2002. С. 13–21. [*Sergatskov I.V.* Istoriya issledovaniya srednesarmatskikh drevnostey (History of the study of Middle Sarmatian antiquities) // *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. III. *Srednesarmatskaya kul'tura*. Moscow, 2002. S. 13–21.]
- Симоненко А.В.* Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура. Формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 1. С. 158–164. [*Simonenko A.V.* Osobennosti rannesarmatskoy kul'tury Severnogo Prichernomor'ya (Features of the early Sarmatian culture of the Northern Black Sea region) // *Rannesarmatskaya kul'tura. Formirovaniye, razvitiye, khronologiya*. Samara, 2000. Вып. 1. С. 158–164.]
- Симоненко А.В.* Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. № 4. С. 92–103. [*Simonenko A.V.* Pogrebeniye u s. Chisten'koye i «strannyye» komplekсы poslednix vekov do n.e. (Burial near the village of Chistenkoe and “strange” complexes of the last centuries BC) // *Nizhnevolzhiyskiy arkheologicheskiy vestnik*. Volgograd, 2001. N 4. S. 92–103.]
- Симоненко А.В.* Роксолани (Пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28. [*Simonenko A.V.* Roksolani (Poshuk arkheologichnikh vidpovidnostey) (Roksolani (Search for archaeological correspondences)) // *Arkheologiya*. 1991. N 4. S. 17–28.]
- Симоненко А.В.* Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981. С. 66–68. [*Simonenko A.V.* Sarmaty v Srednem Podneprov'ye (Sarmatians in the Middle Dnieper) // *Drevnosti Srednego Podneprov'ya*. Kiev, 1981. S. 66–68.]
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия во II–V вв.: Некоторые проблемы исследования // СА. 1982. № 2. С. 43–56. [*Skripkin A.S.* Aziatskaya Sarmatiya vo II–V vv.: Nekotoryye problemy issledovaniya (Asian Sarmatia in the 2nd–5th centuries: Some research problems) // *Sovetskaya arkheologiya*. 1982. N 2. S. 43–56.]
- Скрипкин А.С.* К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 160–169. [*Skripkin A.S.* K voprosu etnicheskoy istorii

sarmatov pervykh vekov nashey ery (Ethnic history of the Sarmatians in the early centuries AD) // Vestnik drevney istorii. 1996. N 1. S. 160–169.]

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. [Skripkin A.S. Nizhneye Povolzh'ye v pervyye veka nashey ery (Lower Volga region in the first centuries AD). Saratov, 1984.]

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 97–114. [Smirnov K.F. Sarmatskiye plemena Severnogo Prikaspiya (Sarmatian tribes of the Northern Caspian Sea region) // Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. 1950. Vyp. XXXIV. S. 97–114.]

Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 3–18. [Smirnov K.F. Osnovnyye puti razvitiya meoto-sarmatskoy kul'tury Srednego Prikuban'ya (The main ways of development of the Meotian-Sarmatian culture of the Middle Kuban region) // Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. 1952. Vyp. 46. S. 3–18.]

Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // МИА. 1971. Вып. 177. С. 191–196. [Smirnov K.F. O nachale proniknoveniya sarmatov v Skifiyu (The beginning of the penetration of the Sarmatians into Scythia) // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 1971. Vyp. 177. S. 191–196.]

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1989. С. 165–177. [Smirnov K.F. Savromatskaya i rannesarmatskaya kul'tury (Sauromatian and early Sarmatian cultures) // Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Arkheologiya SSSR). Moscow, 1989. S. 165–177.]

Сокольский Н.И. Валу в системе обороны Европейского Боспора // СА. 1957. Т. XXVII. С. 91–107. [Sokol'skiy N.I. Valy v sisteme oborony Yevropeyskogo Bospora (Shafts in the European Bosphorus defence system) // Sovetskaya arkheologiya. 1957. T. XXVII. S. 91–107.]

Соломоник Е.И. Про значення терміна «тавроскіфи» // АП. 1962. Вып. XI. С. 153–157. [Solomonik E.I. Pro znachennya termina «tavroskifi» (The meaning of the “Tauro Scythians” term) // Archeologichni pam'yatki URSS. 1962. Vyp. XI. S. 153–157.]

Столба В.Ф. Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н.э. (По данным письменных источников) // ПАВ. 1993. № 6. С. 56–61. [Stolba V.F. Demograficheskaya situatsiya v Krymu v V–II vv. do n.e. (Po dannym pis'mennykh istochnikov) (The demographic situation in the Crimea in the 5th–2nd centuries BC (According to written sources)) // Peterburgskiy arkheologicheskiy sbornik. 1993. N 6. S. 56–61.]

- Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180. [*Tokhtas'yev S.R.* Bospor i Sindika v epokhu Levkona I (Obzor novykh epigraficheskikh publikatsiy) (Bosporus and Sindika in the era of Leukon the First (Review of new epigraphic publications)) // *Vestnik drevney istorii*. 2004. N 3. S. 144–180.]
- Трубачев О.Н.* В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. [*Trubachev O.N.* V poiskakh yedinstva: Vzgl'yad filologa na problemu istokov Rusi (In search of unity: A philologist's view of the problem of the origins of Rus). Moscow, 1997.]
- Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. 2004. Вып. VI. [*Khrapunov I.N.* Etnicheskaya istoriya Kryma v rannem zheleznom veke (Ethnic history of Crimea in the early Iron Age) // *Bosporskiye issledovaniya*. 2004. Vyp. VI.]
- Шевченко Н.Ф.* Племена Восточного Приазовья на рубеже эр. Ростов-на-Дону, 2013. [*Shevchenko N.F.* Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe er (The tribes of the eastern Azov region at the turn of the era). Rostov-na-Donu, 2013.]
- Шилов В.П.* О расселении меотских племен // СА. 1950. Т. XIV. С. 102–123. [*Shilov V.P.* O rasselenii meotskikh plemen (Settlement of the Meotian tribes) // *Sovetskaya arkheologiya*. 1950. T. XIV. S. 102–123.]
- Шилов В.П.* Аорсы: Историко-археологический очерк // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 82–93. [*Shilov V.P.* Aorsy: Istoriko-arkheologicheskiy ocherk (Aorsi: Historical and archaeological essay) // *Istoriya i kul'tura sarmatov*. Saratov, 1983. S. 82–93.]
- Щеглов А.Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 146–157. [*Shcheglov A.N.* O naselenii Severo-Zapadnogo Kryma v antichnuyu epokhu (Population of north-western Crimea in the ancient era) // *Vestnik drevney istorii*. 1966. N 4. S. 146–157.]
- Щеглов А.Н.* Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (К проблеме происхождения) // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии. СПб., 1998. С. 141–153. [*Shcheglov A.N.* Yeshche raz o pozdneskifskoy kul'ture v Krymu (K probleme proiskhozhdeniya) (Once more of the Late Scythian culture in Crimea (The problem of origin)) // *Istoriya i kul'tura drevnikh i srednevekovykh obshchestv. Problemy arkheologii*. St-Petersburg, 1998. S. 141–153.]
- Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. [*Shchukin M.B.* Gotskiy put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura) (Gothic way (Goths, Rome and Chernyakhov culture)). St-Petersburg, 2005.]

THE ETHNIC MAP OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION
AT THE TURN OF EPOCHS

The article discusses the complicated theme of the localization of peoples and tribes in the northern Black Sea region at the turn of epochs. The authors use the method of interpretation of ancient authors' information while comparing it with broad archeological data. The research allows to successfully localize particular peoples and numerous tribes of the given time on the ethnic map of the region. The research shows that most tribes and peoples left a bright trace in ethnic history of the northern Black Sea region. However, not all ethnic groups dwelling there at that time found their place in the region's geographical space. Some localizations still belong to scientific uncertainties. This confirms the relevance of the research.

In addition to a thorough analysis of the ancient written tradition, the authors also involve archaeological material to prove the location of the tribes. Thanks to this comprehensive study, it has been established that after the few recorded Sarmatian burials of the II–I centuries BC in the areas between the Dnieper and the Don and in the north-western Black Sea coast, the number of Sarmatian monuments of the second half of the first century B.C – early first century AD to the west of the Dniester increases sharply. Several barrow burial mounds of the Zubo-Vozdvizhensky group of Sarmatian monuments appeared on the left bank of the Kuban River in the second half of the first century BC, which differ in some respects from the Central Sarmatian complexes of the Kuban area. The tombs have pronounced Central Asian cultural elements. In this respect the authors pay special attention to the decay of Southern Ural steppes at the turn of the our era due to aridisation and shift of the center of Middle Sarmatian culture towards the Lower Don. Thus, the study confirms the enormous role of migrations from the depths of Asia in the formation of the Middle Sarmatian culture and in the emergence of many innovations in the Sarmatian culture of the first century AD.

Keywords: the northern Black Sea, the Crimea, antiquity, Barbarians, tribes, ethnoses

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-230-258